

Вопрос о существовании и достоверности дневника Самойла Зорки

Sergii Bagro (Сергей Багро)

NATIONAL SANCTUARY „SOPHIA OF KYIV”,
UKRAINE, KYIV

Tatiana Tairova (Яковлева)
(Татьяна Таирова [Яковлева])

ST. PETERSBURG INSTITUTE OF HISTORY,
ST. PETERSBURG, RUSSIA
ORCID: 0000-0003-1050-4264

ABSTRACT

About the Existence and Authenticity of Samijlo Zorka's Diary

The article is an attempt to return to the discussion of the legendary “diary of Samoilo Zorko” as the key one in understanding the sources of the Cossack chronicle of Samijlo Velychko. According to Velychko himself, this diary was written by B. Khmel’nyts’ky’s secretary. The mystery of Zorko’s diary caused a great controversy in historiography. Article study the personality of Zorko, the baroque techniques used by that Velychko, and our knowledge about the secretaries of Khmel’nyts’kyi. Article studies what Zorko’s diary could include and how Velychko could use it. The article rejects the version that all the events missing in the work S. Twardowsky, including the famous “universals”, Velychko got from Zorko’s diary. Authors thinks that Velychko really had at his disposal a certain source, called “Diary of Zorko”, which included a description of military events of Khmel’nyts’kyi’s uprising. Authors managed to find the mark made by Velychko where he used Zorko’s diary. The only reference to Zorko indicates a unique

description of the military events near Okhmatov (1655). In conclusion, it is stated that the “diary of Zorko” are the laconic records about military operations, written by a participant in the events, possibly the secretary of Khmel’nyts’kyi, which doesn’t exist in our days. This diary was traditional for Central-Eastern Europe. Velychko in his description of the Khotyn war of 1621 in the initial part, based on Titlevsky. He acted in the same way with Zorko’s diary and Tvardovsky’s text. It opens up prospects for further research on the Velychko and for reconstruction of the Diary of Zorko.

KEY WORDS: Cossack chronicles, Ukrainian Hetmanate, sources, Cossacks, Ukraine, diaries

SŁOWA KLUCZOWE: Kroniki kozackie, Hetmanat Ukraiński, źródła, Kozacy, Ukraina, pamiętniki

Одним из самых выдающихся литературных памятников казацкой эпохи в Украине является «Летопись» Самойло Величко. Войсковой канцелярист, служивший в Украинском гетманстве с 1690 по 1708 гг., написал уникальный исторический труд, в котором использовал огромное количество документов, хроник, дневников и разного рода сочинений о деяниях прошлого. Самым знаменитым и загадочным его источником, по праву считается, так называемый, «Диариуш» Самойло Зорко, якобы составленный писарем и секретарем Богдана Хмельницкого. Но проблема в том, что кроме слов Величка, мы не имеем ни одного свидетельства о реальном существовании такого человека. Как следствие, в научной мысли установилось довольно неоднозначное, даже скорее скептическое отношение к возможности существования «Диариуша» Зорко.

Недавнее полное академическое издание «Летописи» Самойла Величка и полное кодикологическое исследование рукописи открыли перед исследователями большие перспективы для нового этапа изучения этого уникального памятника. Благодаря вниманию к структуре произведения, записям на полях, особенностям авторской нумерации листов и многим другим деталям мы имеем возможность по-новому взглянуть на, казалось бы, давно известный текст и пересмотреть устоявшиеся представления о нем.

1 С. Багро, А. Бовгиря, Г. Боряк, Т. Таїрова-Яковлева, «Літопис» Самойла Величка («Історія») – визначна історіографічна пам'ятка: до історії тексту та його вивчення [в:] Величко Самійло. «Літопис», В. Смолій, Т. Таїрова-Яковлева (ред.), Київ 2020, с. XXIII–XXIV.

2 М.П. Письма, *Погодина* к М.А. Максимовичу, Санкт-Петербург 1882, с. 24.

3 *О летописи Величка как источнике малороссийской истории*, «Москвитянин» 1849, № 15, Отд. 4: *Критика и библиография*, с. 33–54; А. Клеванов [рец. на:], *Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке, составил Самуил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского, 1720*, т. 2, Київ 1851, «Москвитянин» 1852, Кн. 15: *Критика и библиография*, с. 57–80.

Учитывая вновь открывшиеся обстоятельства, актуальным вновь стает вопрос о «Диаруше» Самойло Зорки. Для того чтобы понять, насколько можно доверять свидетельствам Величка об этом источнике кратко осветим историографию вопроса; попытаемся проанализировать особенности изображения Величком Самойла Зорки и его «Диариуша», а также обратимся к тексту Величко в поисках незамеченных ранее особенностей использования источника.

1. Историография

Детальный историографический очерк по «Летописи» Самойла Величко был представлен нами в академическом издании источника¹. Здесь же остановимся на освещении особенностей восприятия упомянутого в нем «Диариуша» Зорки. Сделанные по этому поводу наблюдения во многом пересекаются с уже опубликованным материалом. Но поскольку они показывают важный для нашей работы контекст, их никак нельзя обойти стороной. Понимание того, что определяло позицию исследователей в спорах о реальности или вымышленности источника, дает возможность переосмыслить аргументы сторон и по новому посмотреть на сущность «Диариуша».

Перспектива новых открытий во многом определяла популярность «Летописи» Величко в научных кругах XIX в. Информация о том, что в ней отражены свидетельства личного «писаря» Богдана Хмельницкого усиливала интерес ученых. Вводя рукопись в научный оборот, Н.И. Погодин писал М.А. Максимовичу: «Я нашел »Малороссийский летописец«, сочиненный Самуилом Величко, канцеляристом войсковой канцелярии в 1720 году, из записок Зорки, секретаря Хмельницкого... на 800 листах»². В рецензиях на первое издание произведения подчеркивалась ценность использованных в нем материалов³. Проверяя свидетельства «Истории Руссов», на «Летопись»

опирался С.М. Соловьев⁴. Как важный достоверный источник ее использовал Н.И. Костомаров в жизнеописании Богдана Хмельницкого⁵. М.А. Максимович подчеркивал необходимость критической проверки свидетельств Величко, признавая, тем не менее, ценность использованных им уникальных свидетельств Зорки⁶.

Однако, обнаружение многих неточностей в «Летописи», со временем заставило исследователей с большей осторожностью относиться к ней. Дальше всех в скепсисе по отношению к «Диариушу» пошел Г.Ф. Карпов, считая уникальные свидетельства Величка «баснословиями», не заслуживающими доверия профессиональных историков⁷. Карпов указывал на подозрительное совпадение: в основу произведения одного Самуила, то есть Величко, легли тексты трех других Самуилов – Твардовского, Пуфендорфа и Зорки, и если о творениях первых двух историки хорошо осведомлены, то о третьем, удивительным образом, не осталось никаких упоминаний. Карпов предполагал, что под мифическим «Диариушем» мог скрываться какой-то известный памятник, возможно, «Летопись Самовидца», но даже если и так, то Величко, очевидно, сильно приукрашивал полученную из него информацию, и теперь отделить ее от фантазий автора практически невозможно.

Радикализм Карпова, однако, не обрел всеобщего признания. Нередко историки продолжали указывать на «Диариуш» Зорки как на реально существовавший источник⁸. Стараясь беспристрастно описывать неоднозначность суждений о нем, В.Иконников обратился к давней рецензии на издание «Летописи Грабянки»⁹. Ее автор предположил, что упомянутый Грабянкою «диариуш», писанный на войне Хмельницкого, мог быть тем самым произведением Зорки, с которым работал Величко¹⁰. Среди тех, кто с доверием относился к «Диариушу» Зорки, был В. Липинский¹¹. Как реальный источник его упоминали

4 С. М. Соловьев, *Очерк истории Малороссии до подчинения ее царю Алексею Михайловичу*, «Отечественные записки» 1849, № 2, с. 214.

5 Н.И. Костомаров, *Богдан Хмельницкий*, т. 1, Санкт-Петербург 1859, с. VIII, XVI.

6 М.А. Максимович, *Письма о Богдане Хмельницком. Собрания сочинений*, т. 1, Киев 1876, с. 395–474.

7 Г.Ф. Карпов, *Малороссийские летописцы о начале исторической деятельности Богдана Хмельницкого* [в:] *idem*, *Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкого*, Москва 1873, с. 240–258.

8 К.Г. Заклинский, *Руські літописі і літописці XVII ст.*, «Зоря» 1880, № 8, с. 107; В.Б. Антонович, *Лекції з джерелознавства*. Острог, Нью-Йорк 2003, с. 53–54, 244, 324, 353; А.М. Лазаревский, *Описание старой Малороссии*, т. 2, *Нежинский полк*, Киев 1893, с. 101; О.И. Левицкий, *Опыт исследования о летописи Самовидца* [в:] *Летопись Самовидца по новооткрытым спискам*, Киев 1878, с. 2; *Розвідки Михайла Драгоманова про українську народну словесність і письменство*, т. 1, Львів 1899, с. 23; В. Петрикевич, *Літопись Самійла Величка а «Воупа доточа» Самійла Твардовского*. *Порівнююча студія*, Тернопіль 1910, с. 48.

9 В.С. Иконников, *Опыт русской историографии*, т. 2, ч. 2, Киев 1908, с. 1588.

10 А.П. [рец. на:] *Летопись Гадяцкаго полковника Григория Грабянки, доп. Временною комиссией для разбора древних актов*, Киев 1853, с. 374; «Журнал министерства народного просвещения» 1856, т. 89, Отд. 4, с. 25–26.

11 В.В. Липинский, *Україна на переломі. 1657–1659. Замітки до історії українського державного будівництва в XVII ст.*, Відень 1920, с. 173, 252–254.

298; *Z dziejów Ukrainy. Księga pamiątkowa ku czci Włodzimierza Antonowicza, Paulina Święcickiego i Tadeusza Ryłskiego*. Wydana staraniem dra Józefa Jurkiewicza, Franciszki Wolskiej, Ludwika Siedleckiego i Wacława Lipińskiego, Kraków 1912, с. 653–655.

¹² Д.І. Дорошенко, *Огляд української історіографії*, Прага 1923, с. 292; *Історія української культури*, І. Крип'якевич (ред.), Львів 1937, с. 292; Д.І. Багалій, *Нарис української історіографії*, т. 1, Киев 1925, с. 35, 51–85.

¹³ М.Н. Петровський, *Псевдо-діариуш Самійла Зорки* [в:] *Записки історико-філологічного відділу ВУАН*, кн. 17, Киев 1928, с. 160–204.

¹⁴ М.С. Грушевский, *Об украинской историографии XVIII века. Несколько соображений*, «Известия Академии наук СССР» 1934, № 3, с. 215–223.

Д. Дорошенко, И. Крипякевич и Д. Багалій¹². Дальше всех пошел П. Клепацкий, сделав беспрецедентную попытку выделить «Диариуш» Зорки из текста «Летописи», хотя раньше это считалось невозможным. Опираясь на указания об основных источниках Величко, исследователь составил перечень сюжетов и документов, которые не были отображены ни у Твардовского, ни у Пуфендорфа, и предположил их заимствование именно у Зорки. С этого момента абстрактная неопределенность загадочного источника обрела вполне осязаемые очертания.

Детальную проверку условного «Диариуша» провел Н. Петровский, в целом согласившись с логикой Клепацкого¹³. В результате исследователь выявил множество фактических и хронологических ошибок, которые не мог допустить свидетель событий, тем более, приближенный к Хмельницкому писарь-канцелярист. Петровский сделал вывод, что «Диариуш» Зорки следует считать фантазией Величка. Другие взгляды на проблему все еще высказывались, но были менее заметны на общем фоне. Например, Л. Окиншевич, публикуя дневник Ивана Быховца 1704 г., предполагал, что именно этот человек, который, по словам Величка переписывал «Диариуш» Зорки, мог быть его настоящим автором. Развития эта идея не получила. Хорошо обоснованная позиция Н. Петровского и по сей день считается наиболее убедительной в научной среде.

Немалую роль в укоренении скептического отношения к достоверности «Диариуша» сыграло общее смещение исследовательского внимания на литературность «казацких летописей», которое определила специальная статья М.С. Грушевского¹⁴. В ней отмечалось, что хоть произведения казацких канцеляристов пестрили неточностями, но они отображали мировоззренческие идеалы и политические взгляды своих творцов. Такая трактовка усилила восприятие того, что «Диариуш» Зорки мог быть продуктом

фантазии Величко. В относительно недавней работе И. Исиченко писал, что в «Летописи» отображена попытка создания субъективного авторского образа истории¹⁵. С этой точки зрения он считал, что Зорка это своеобразное «alter ego» Величко, с помощью которого тот имел возможность сказать больше в своем произведении и сказать убедительней.

На фоне скепсиса по поводу возможности существования «Диариуша» Зорки ярко выделяется позиция В. Шевчука. Опубликовав в 1991 г. перевод «Летописи» Величко на современном украинском языке с предисловием и подробным комментарием, он утверждал, что критический взгляд Петровского требует пересмотра, а вопрос о Зорке все еще остается открытым¹⁶. Исследователь подчеркивал, что Величко пользовался не оригиналом, а переписной копией «Диариуша», которая сама по себе могла иметь ошибки. Немалую долю погрешности таил также способ работы с источником. Величко формировал свой текст спустя годы или даже десятилетия после того, как сделал краткие выписки из «Диариуша». То есть значительную его часть он должен был воспроизводить по памяти, без возможности дополнительной проверки. Неточности и изменения в таком «пересказе» – вполне естественны, но они совсем не отрицают того, что автор действительно мог пользоваться источником, о котором говорил.

Обратив внимание на стихи, размещенные перед списком польскоязычного реестра Войска Запорожского 1649 р., В. Шевчук предположил, что в них может скрываться тайнопись, в которой было зашифровано имя – Самойло Зорка¹⁷. Некоторые исследователи восприняли эту гипотезу В. Шевчука как доказательство существования С. Зорко. Так, например, это делает О.Ковалевская¹⁸. Однако предположение это довольно спорно. Мы попросили высказать свое мнение по данному вопросу ведущего эксперта в украинской барочной литературе

15 І. Ісиченко, *Історія української літератури: епоха Бароко (XVII–XVIII ст.)*. Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів, Львів 2011, с. 283–288.

16 С.В. Величко, *Літопис*, т. 1, В.О. Шевчука, О.В. Мишанич (ред.), Київ 1991, с. 5–22.

17 В.О. Шевчук, *Панегірик Богдану Хмельницькому та Івану Виговському з 1649 року* [в:] *Наука і культура. Україна: щорічник*, Київ 1996, с. 110–119; *idem*, *Муза Роксоланська: українська література XVI–XVIII ст.: У 2 кн., кн. 2, Розвинене бароко. Пізнє бароко*, Київ 2005, с. 110–113, 332, 420, 447; С. Зорка, *Панегірик Богданові Хмельницькому та Іванові Виговському [Текст]: з «Реєстру війська Запорозького» 1649 року* [в:] *Україна: антологія пам'яток державотворення, X–XX ст.: у 10 т., т. 3*, Київ 2008, с. 201–206.

18 О.О. Ковалевська, *Зображення крізь віки: іконографія козацької старшини XVII–XVIII ст., ч. 1*, Київ 2014, с. 154.

Мирослава Трофимука. Внимательно изучив копию стихов из польского архива, он пришел к мнению, что на ней отсутствуют маюскулы – условные знаки или выделения, указывающие на тайнопись. Так что, по его мнению, у нас нет оснований доверять гипотезе В. Шевчука. Правда, оригинал текста до сих пор не был найден, а на нем гипотетически могли иметься маюскулы.

Таким образом, можно подытожить, что вопрос о достоверности «Диариуша» Зорки долгое время был неразрывно связан с доверием историков ко всем свидетельствам Самойла Величко. Скрупулезный подбор документов и точные ссылки «летописца» считались подтверждением его научной добросовестности. С этой точки зрения упоминания о Зорке выглядели вполне убедительными. С другой стороны, множество неточностей яркого барочного текста воспринимались как доказательство вымышленности упомянутого источника, реальность которого невозможно было подтвердить другими свидетельствами. Однако обе позиции апеллировали к абстрактной сущности, поскольку «Диариуш», как казалось, не был выделен в тексте каким-либо особым образом. Попытка вычленив его материал из «Летописи» сразу же подверглась детальной проверке. Выявленные при этом фактические неточности склонили научную общественность считать «Диариуш» Зорки вымыслом Величко. Переключения исследовательского внимания на литературную сущность «казацких летописей» лишь усилило позиции скептиков, при этом возможность некорректного вычленения источника не подвергалась сомнению. То есть сформулированные почти столетие назад критерии, по которым выделялся дневник Зорко, до сих пор не пересматривались в историографии.

2. Загадка личности Самойла Зорко и его «Диариуша»

Понять, насколько мы можем доверять свидетельствам Величко о Самойле Зорко и его «Диариуше» довольно непросто. В отношении других источников «летописец» делал ссылки (в некоторых местах даже включая название, место публикации и страницы), которые вполне можно проверить, что, безусловно, располагает к доверию. Вместе с тем он не раз замечен в литературном приукрашивании событий – что, наоборот, настраивает на скептический лад в отношении его уникальных свидетельств.

Нужно понимать, что историописание в средневековье и раннем новом времени имело свои особенности, которые сейчас считаются неприемлемыми. В сфере научного познания изъяснения осуществлялись согласно общепринятым правилам риторики, логики и диалектики. Их использовали для конструирования текстов разной направленности, в том числе и в описаниях деяний прошлого. Не ограничиваясь исключительно отображением реальности, они вполне могли включать различные литературные высказывания, которые давали возможность лучше понять смысл изложенных действий. Например, герои таких произведений не редко произносили пространственные речи, которые, очевидно, не стенографировались в жизни и которые сочинялись для отображения характера, мыслей и стремлений персонажей. С точки зрения современного человека эти высказывания воспринимаются как фикция или подлог, но в восприятии авторов они были необходимыми элементами для отображения правды. Поэтому при рассмотрении произведения Величко необходимо обращать внимания не только на представленные факты, но и на их место в логике повествования и общем послании текста.

19 Величко Самійло. «Літопис», В. Смолій, Т. Таїрова-Яковлева (ред.), Київ 2020, с. 146.

20 Г.Ф. Карпов, *op.cit.*, с. 244.

Подробности истории «Диариуша» Зорки, прописанные Величком, тоже имеют черты «литературных предположений». Казалось бы, яркая презентация источника должна свидетельствовать о значении, которое автор ему предавал. Однако в таком случае не совсем понятно, почему во всем своем произведении он только единожды (если не брать во внимание речь Зорки на смерть Хмельницкого) прямо говорит о нем. История эта изложена в 9 разделе первой части «Сказания», по хронологии появления персонажа в жизни главного героя – Богдана Хмельницкого. Для детального рассмотрения, приведем ее полностью:

В тоє время, кгда прибилъ Хмелницкий з Чигрина до Сѣчи, било на Кошу два писарѣ барзо добрих, и в рѣчах писарских языком славенским и полским добре цвѣчонихъ, еденъ старѣйший Стефанъ Браславский, а другой молодший Самоїлъ Зорка з Волиня. З тихъ убо старѣйший на Кошу зоставленъ, а молодший з Хмелницкимъ з Сѣчи ѡтпущенъ, занеже онъ и в Криму былъ з ним, Хмелницким. Тотъ убо Зорка, чрезъ увесь часъ войны козацкой з поляками бившой, зостаючи писаремъ и секретаромъ при Хмелницкомъ, ѡ всѣхъ рѣчах и поведеніяхъ совершенно вѣдал, а досконале и пространно в диариушѣ своемъ оніе описаль, которий діяруш былъ в товариша моего Силѣвестра Биховца, канцелляристи войскового. Его же ѡтець, Іванъ Биховець, при тогочоннихъ чигринскихъ гетманахъ бѣ канцелляристомъ, и тамо тотъ Хмелницкого дѣяний диариушъ переписаль билъ себѣ¹⁹.

Г. Карпов писал: «Эти слова Величка о весьма важном его источнике невольно нам напоминают рассказ одного известного составителя летописного свода об утраченном древнем русском летописце»²⁰. Указывая

на сомнительность истории Зорки, исследователь, можно предположить, намекнул на ее схожесть с описанием Василия Татищева Иоакимовской летописи²¹. Хотя подробности и манера изложения разнятся, но в обоих случаях мы имеем дело с персонажем, возможность существования которого можно представить, но никак нельзя проверить.

В начале истории Величко сразу прописывает несколько примечательных деталей. Прибыв на Запорожье, Богдан Хмельницкий встречает там двух писарей: Стефана Браславского и Самойла Зорку. Как известно, на Сечи был только один выборный уряд писаря, которому должен был помогать подписарь и несколько канцеляристов²². И даже сам Величко в том же разделе упоминает одного войскового писаря, которого кошевой отправил за клейнодами для только избранного на гетманство Хмельницкого²³. Упоминание же двух писарей выглядит довольно сомнительно, или по крайней мере не точно, если предположить, что под «старейшим» подразумевался собственно писарь, а под «молодшим» – подписарь. Подобное обобщение в принципе можно считать допустимым, если речь шла не о конкретном уряде, а о людях, занимающихся писарской/канцелярской работой.

Нельзя не заметить, что такая подача оправдана с точки зрения логики повествования. Казалось бы, зачем Величко вообще упоминать второго писаря, если он не имеет никакого отношения к главному сюжету в этом рассказе – к возникновению «Диариуша». Но тут же автор сам объясняет: один писарь остался в Коше, а второй отправился в путь вместе с Хмельницким. Запорожская Сечь в «Летописи» – это довольно важная политическая сила. Она дает необходимую поддержку и легитимность казацкому восстанию, продолжая и дальше играть роль основной опоры для сохранения казацких традиций. Можно предположить, что Величко упомянул второго писаря как раз для того, чтобы оставить его на Сечи. Благодаря

21 Подробные об этом источнике см.: А.П. Толочко, «История Российской» Василия Татищева: Источники и известия, Москва 2005, с. 544.

22 Д.І. Яворницький, *Історія запорозьких козаків*, т. 1, П.С. Сохань, В.А. Смолий, В.Г. Сарбей, Г.Я. Сергіенко, М.М. Шубравська (ред.), Київ 1990, с. 177–179. Подробнее о роли писаря на Сечи в более позднее время см.: І.Л. Синяк, *Військовий писар на Запорожжю Нової Січі (1734–1775)*, «Козацька спадщина: Альманах Інституту суспільних досліджень» 2006, т. 3, с. 207–211.

23 Величко Самійло. «Літопис», с. 144.

этому, уезжая, Зорка, не нарушал целостность общепринятой там иерархической структуры. Косвенное подтверждение того, что в такой подаче присутствует идея преемственности, можно усмотреть в той же характеристике Браславского как «старейшего», а Зорки как «молодшего» писаря. К тому же хорошо заметно, что обоих персонажей автор представил по одной формуле. Различие можно заподозрить только в специальном указании на происхождении Зорки из Волыни. Хотя о Браславском такого уточнения нет, однако в этой роли вполне могла выступать фамилия-прозвище персонажа, указывая на его происхождение из Браславля. Такое условное равенство в изображении писарей, возможно, ненамеренно подчеркивало некий символический паритет между старой и новой политическими силами казацкого товарищества.

В дальнейшем описании Величко уточнил общее определение компетенций Зорки. Сопровождая Хмельницкого, он оставался при гетмане «писарем и секретарем» на все время войны с «поляками». Близость персонажа к своему патрону подчеркивала также панегирическая речь Зорки на похоронах Хмельницкого, перед которой его тоже обозначено как «старого секретаря» гетмана²⁴. Этот образ, очевидно, призван указать на то, что автор «Диариуша» не только был очевидцем описываемых событий, но и играл в них важную роль. Однако описание такого приближенного человека не вполне соотносимо с нашими знаниями об организации Войска Запорожского. Нарочитый акцент на особой личной связи с гетманом отделяет Зорку от общей массы канцеляристов и заставляет предположить, что он служил непосредственно при дворе гетмана. Но если персонаж занимался имением патрона, то возникает вопрос: откуда у него появилась особо ценная информация о событиях войны. Если предположить, что нарочитое выделение Зорки – это литературный прием, то такого рода особа должна была служить

в войсковой канцелярии, а значит, попасть в подчинения генерального писаря, Ивана Выговского.

Нельзя не отметить примечательную схожесть в биографиях Зорки и Выговского. В Жолтоводской битве тот сражался на «польской» стороне, но, попав в татарский плен, был выкуплен Хмельницким и какое-то время тоже служил у гетмана личным «писарем», сопровождая его в походах²⁵. Поэтому история Зорки, если ее не абсолютизировать, выглядит вполне вероятной. Величко, однако, никакой параллели между этими персонажами не проводил, наоборот – писал, что Выговский после освобождения сразу стал генеральным писарем²⁶.

Следует сказать, что события начала восстания, прибытие Б. Хмельницкого в Сечь – описаны очень мало и практически не имеют достоверных источников. Так что существования Самойла Зорко в Запорожской Сечи в 1647–48 гг., проверить практически невозможно. Исследователи выявили несколько десятков упоминаний о разных «писарях», «подъячих», «толмачах» и «подписках»²⁷. Однако имени Зорки среди них не обнаружено. Но, как справедливо отмечал даже Н. Петровский, это совсем не доказывает, что такой человек не существовал²⁸. Ведь нам известны далеко не все личности, служившие в войсковой канцелярии.

Т.Г. Таирова-Яковлева предполагает, что ей удалось выявить прямое указание на одного влиятельного канцеляриста в начальный период восстания. В ноябре 1648 г. Богдан Хмельницкий оправил посольство к трансильванскому князю с целью вести переговоры о поддержке его кандидатуры на польский престол. 17 ноября Богдан Хмельницкий написал письмо Иоанну Кемени (на латыни), в котором сообщал об отправке посольства. Неточность перевода в публикации не давала возможности историкам говорить о том, что, возможно – перед нами искомый Самойло Зорка. В подлиннике сказано: посылаю «Wyhowsky et sodalem nostrum notarium» – «Выговского и товарища нашего

25 Ю.А. Мицик, *Гетьман Іван Виговський*, Київ 2004, с. 13.

26 Величко Самійло. «Літопис», с. 257.

27 І.П. Крип'якевич, *Студії над державою Богдана Хмельницького (I. Рада. II. Генеральна старшина)*, «Записки НТШ» 1925, т. 138–140, с. 80–81; В.В. Липинський, *Україна на переломі. 1657–1659. Записки до історії українського державного будівництва в XVII ст.*, Відень 1920, с. 173–174; М.Н. Петровский, *Псевдо-діаріум Самійла Зорки*, с. 166–167.

28 М.Н. Петровский, *op.cit.*, с. 167.

29 *Исторические связи народов СССР и Румынии [в:] Документы и материалы: В трёх томах, т. 2: 1633–1673, Москва 1968, с. 215.*

30 *Дипломатические сношения между Трансильванским княжеством и Войском Запорожским в 1648 г., «Российско-австрийских альманах: исторические и культурные параллели» 2007, с. 70–78.*

31 *Kemény János: Önéletrása (A szövegmondás és a jegyzetek V. Windisch Éva munkája), Budapest 1979, с. 307–308.*

32 М.Н. Петровский, *op. cit.*, с. 167.

33 Акты ЮЗР, т. 3, с. 498.

34 *Институт рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського (ІР НБУ), Ф. 2, Спр. 15576, Арк. 23, Сибірський приказ Стб. 612. Матеріали подають дані з.ч. за боротьбу старшинських угруповань Лівобережжя, зокрема за Козелецьку раду 1662 р.*

секретаря» (перевод К. Суториуса). Т.е. с Выговским ехал некий товарищ, «секретарь» гетмана. Именно секретарем именуется Зорку сам Величко (не канцеляристом!). А термин «товарищ» в устах Хмельницкого должен был подчеркивать статус этого посланца, как приближенного и старшину²⁹. В дневнике Януша Кемени тоже говорится, что к нему приехал Выговский с товарищем³⁰. Точный перевод с венгерского, представленный нам Гебеи Шандором, говорит следующее: в Трансильванию приехали «Иоганнес Выговский с товарищем» уговаривать князя или его младшего брата стать королем³¹. Этот эпизод можно трактовать по-разному, но он еще раз доказывает, что однозначно отрицать существования секретаря у Хмельницкого мы не можем. А звали его Зорку или по-другому – вопрос иной.

Подозрение в символичности имени Самойла Зорки, высказывавшиеся в литературе, вполне вероятны, однако не бесспорны. В реестре 1649 г. Н. Петровский из 40 тысяч человек насчитал только 16 Самойлов³². Однако, по удивительному стечению обстоятельств оно принадлежало всем авторам основных источников «Летописи» и самому Величко. Несмотря на «редкость», в источниках можно найти несколько близких пересечений. Например, челядника Ивана Выговского также звали «Самошка»³³. Непосредственно о писаре с именем Самойло в подчинении Якима Сомка упоминал Никифор Батюшков в сообщении о Козелецкой раде³⁴. Примечательно, что Н. Петровский обратил внимание на то, что в реестре упомянут некий Тимош Зорка и Хома Зорченко. То есть и фамилия/прозвище персонажа тоже встречалось. Таким образом, хотя частота упоминаний имени и может настораживать, однако не является убедительным критерием подлога.

С другой стороны, если предположить, что Величко наделил персонажа неким символическим именем, это не означает, что он выдумал сам источник. Даже его отсутствие в научном обороте не отрицает возможности

существования такого документа. К примеру, мы можем утверждать, что Величко использовал дневник, одного из старшин, участвовавших в Хотинском походе 1621 г., дополняя им свидетельства Титлевского³⁵. Хотя сам источник до наших дней не дошел.

Более того, дальнейшая история «Диариуша» свидетельствует об обратном. Величко утверждал, что получил его от Сильвестра Быховца, сына известного в Войске Запорожском человека, который в начале XVIII в., еще был активно задействован в дипломатических поручениях гетмана. Хотя исследователи не нашли упоминаний о Сильвестре, вряд ли Величко стал бы придумывать такого персонажа-посредника, про которого он говорит, что с ним приятельствовал и вместе работал. В этом не было никакой необходимости и, вероятно, считалось бы не приемлемым с точки зрения писательской честности.

Относительно же Ивана Быховца можем утверждать, что это был выдающийся политический деятель и дипломат Украинского гетманства, о котором в источниках от середины 60-х XVII в. до начала XVIII в. имеются подробные сведения³⁶. Он был канцеляристом, войсковым товарищем, выполнял самые сокровенные и щепетильные поручения гетманов И. Брюховецкого, Д. Многогрешного, И. Самойловича и И. Мазепы, являясь специалистом в переговорах с представителями Оттоманской империи, Крыма и калмыков. И. Быховец занимал значимую позицию среди старшины, был хорошо образован и сам вел дневниковые записи. О его деятельности знали современники и помнили потомки. А. Безбородко упоминает Быховца (кстати, наряду с Величком) среди известных канцеляристов Войска Запорожского³⁷. То есть, указание «Летописи» о нем апеллировало к хорошо известному для автора и возможного читателя человеку.

При этом из истории «Диариуша», изложенной самим Величком, видно, что тот плохо понимал, как он попал к Ивану Быховцу. Указание на службу этого

35 Т.Г. Таирова-Яковлева, *К вопросу о структуре и источниковой базе летописи Самойла Величко*, «Славяноведение» 2019, № 2, с. 11–24.

36 *Eadem*, Иван Быховец как потенциальный хранитель «диариуша» С. Зорко (в печати).

37 А. Лазаревский, *Очерки старинных дворянских родов Черниговской губернии* [в:] *Записки Черниговского губернского статистического комитета*, кн. 2, Черниго, Томск 1868, с. 227.

канцеляриста при правобережных гетманах – довольно спорное. Дело в том, что даже среди образованных представителей поколения 90-х годов XVII в. имелось очень смутное представление о временах Руины и уже совсем фантастичные – о временах Б. Хмельницкого. В «Летописи» много неточностей можно заметить даже при описании ранних этапов карьеры Ивана Мазепы. Конечно, есть все основания предполагать, что Быховец бывал в Чигирине и мог заинтересоваться дневником Зорки, если такой действительно существовал. Но других вариантов того, как документ попал к нему пока что также исключить нельзя. На Левобережье его могли привезти канцеляристы, старшины, тот же В. Кочубей, или даже сам Зорко, о судьбе которого нам, по сути, ничего не известно. Не зная подробностей, в этом случае легко построить много гипотез. Величко тоже вполне мог пойти по этому пути и домыслить символические детали для своей истории, связав знаменитого канцеляриста, от которого получил ценный источник о деятельности Богдана Хмельницкого напрямую с Чигирином – главной резиденцией гетмана.

Тем не менее, в истории «Диариуша» главным образом обращает на себя внимание то, что Величко не только апеллировал к реальному и даже знаменитому в его кругу человеку, но и описывал опосредованный контакт с ним. Такого рода информацию никак нельзя отнести к категории авторских предположений или метафор. Очевидно, описанная связь канцеляристов имела место в действительности.

В этом ключе особенно обращает на себя внимание та деталь, что Величко имел дело не с оригиналом, а с копией «Диариуша», сделанной Быховцем. Это порождает вопросы, на которые нет ответов: насколько подробной была эта копия, имелась ли в ней информация об авторе или Величко нужно было ее придумать из-за недостатка реальных знаний о нем.

3. Принципы вычленения «Диариуша» Зорки из «Летописи» Величка

Как мы видели, в историографии уже довольно долгое время доминирует представление, сформированное под влияние Н. Петровского, о «Диариуше» Зорки, как о своеобразной мистификации Величка. Исследователь проделал большую работу, проверив свидетельства «Летописи» другими источниками. Однако, корректно ли связывать выявленные неточности именно с «Диариушом» – вопрос довольно спорный.

Дело в том, что Петровский в основном отталкивался от предположений, сделанных П. Клепацким. Однако его подход в попытке вычленить «Диариуш» из произведения Величка еще не проверялся, но воспринимается как должное. Прежде всего, Клепацкий был уверен в том, что Величко работал как критический историк. Кроме того, исследователь обратил особое внимание на слова «летописца» о том, что для написания «Сказания» он использовал в основном сведения из Твардовского и Зорки, дополняя их друг другом. Как следствие Клепацкий фактически предложил считать «Диариушом» все, что отсутствует у Твардовского, включая знаменитые универсалы, речи и события с 1648 по 1659 г. Петровский немного уточнил перечень выделенных предшественником свидетельств, исключив из него документы, поскольку Величко сам утверждал, что работал с источником в спешке и не успел выписать их:

Аще же в том преречоного Самоїла Зорки діариушѣ били ретелне положени листовниї Хмелницкого о тогдашних дѣлехъ и поведенїях, до постороннихъ монарховъ и владѣтелей корреспонденції, но я ихъ (аще и велце были потребни) без переписаня оставилем, едно краткости послѣдствуя, другое и часу поволного на тоє не имѣя³⁸.

39 *Ibidem*.

40 *Ibidem*, с. 122.

41 А. Мельник, І. Поляков, Т. Таїрова-Яковлева, Д. Ципкін, *Оригінал пам'ятки: кодикологічний аналіз* [В:] Величко Самійло. «Літопис», с. LI-LXXIV.

Как ни странно, общая логика вычленения Клепацкого до сих пор в историографии не оспаривалась, хотя она явно имеет методологически некорректные предпосылки. Начнем с того, что исследователь не учитывал того, что Величко это историк своего времени, в котором были свои представления о правильном историописании, отличном от современного. Но самое главное – прямые ссылки «летописца» на источники не прошли надлежащей проверки. Между тем, Величко, который, как мы отмечали, отличался огромной скрупулезностью при ссылках на свои источники, четко пишет, что успел выписать из «Диариуша» лишь важную информацию о военных успехах Хмельницкого:

Из него же азъ (взявши в сина его помененного, товариша же моего) зѣло сокращеннѣ потребнѣйшіе и нужнѣйшіе Хмельницкого военныхъ сукцессовъ вичерпнувши и поновтававши рѣчи, потрудихся в сей моей книзѣ оніе положити и виразити³⁹.

То есть мы должны по-новому посмотреть на то, какая часть произведения Величко на самом деле могла базироваться на «Диариуше».

Внимательней присмотримся к словам Величка. Представляя свои источники в «предмове до чительника», он отмечает, что о «Диариуше» Зорко «напредѣ в части первой, в роздѣлѣ девятомъ, ширшей доложилось»⁴⁰. Подобные детали по всему предисловию ярко указывают на то, что оно было написано уже после написания основной части «Сказания». К этому выводу приводит также кодикологический анализ текста⁴¹. Для нас важно подчеркнуть, что изложенные здесь особенности работы с источником не задавали принципы будущего историописания, а отображали то, что уже было сделано. Это относится и к знаменитой формуле: «чого в Твардовскомъ не

ставало, тоє з Зорки и інших лѣтописцовъ и записокъ козацких доложилемъ, а чоґо в Зорки не обрѣлося, тоє з Твардовского допилиемъ»⁴². Очевидно, что указанное чередование и общая параллель между использованием произведений Твардовского и Зорки в предисловии Величка не случайны. Поэтому в поисках «Диариуша» важно обратить внимание на отсылки к обоим источникам.

Приведенная Величком речь Зорки на похоронах Богдана Хмельницкого расходится со свидетельством автора о том, как он использовал «Диариуш». Поэтому безапелляционно считать ее переписанной оттуда нельзя. Не исключено, что она могла быть своеобразной характеристикой героя, сделанной самим Величком, на что косвенно указывает стилистика текста. Анализ этой речи требует отдельного внимания, выходящего за рамки данного исследования.

Однако в «Летописи» все-таки имеется одна прямая ссылка на Зорку, выполненная самим Величком. Раньше в историографии на нее, не обращали внимания. В издании XIX в. эта приписка на полях, как и все другие маргиналии не была отражена, а вот в переиздании 1926 г., она имеется⁴³. Тем не менее, Петровский, который пользовался последней публикацией, как и все последующие историки не обратили на нее внимания. Петровский наоборот указывал: «Величко ніде в таких випадках не каже, як про це сказано в діяріуші Зорки»⁴⁴.

Ссылка эта сделана в 1 разделе 8 части «Сказания», в описании битвы под Охматовым 1655 г. А ниже, сразу же после нее, тут же на полях, сделана схожая ссылка на Твардовского. Такое использование источников полностью соответствует описанному в предисловии способу работы с ними. Посмотрим на текстологическое сравнение фрагментов из Величка и Твардовского, нет ли здесь заявленного чередования и дополнения одного источника другим:

42 *Ibidem*, с. 122–123.

43 *Ibidem*, с. 117.

44 М.Н Петровский, *op.cit.*, с. 165.

Величко, с. 215	Твардовський, с. 129
<p>Якимъ страхомъ за Бугомъ наполненная Україна, латво уже полякомъ свою виражала поволность и послушенства, шпрочь єдного Умана, до которого войска полскїи сами отнюдь приступовати не дерзнули, але чрезъ мѣсяць и далее по квартирахъ украинскихъ на все изобилнихъ и боронитися уже весьма не могущихъ, ѡтдыхаючи, дожидалися к себѣ войскъ ѡрдинскихъ ѡт хана ѡбѣщанихъ, которїи з синомъ хана змерлого, в сороку тисячахъ к полякамъ ѡколо Умани прибавши, не такъ ихъ полскіе, яко свої интереса исполняли, розославши по Украинѣ, ажъ ку Днѣпрови, свої загони для ясировъ и здобичей, а кошъ з меншою ѡрди частью при обозѣ полскомъ оставивши.</p> <p>Що любо тяжко било полякомъ, ѡднакъ терпѣти мусѣли, и не дожидаючися тихъ загоновъ повороту, рушили з пошталюю при нихъ ѡрдою до Уманѣ.</p> <p>В тимъ часѣ, гдѣ получили поляки вѣдомость ѡ Хмельницкомъ, з войскомъ козацкимъ и московскимъ в двадцяти и пяти тисячахъ под Сѡхматовомъ, на оборону Украини ѡт поляковъ разораемої притягнувшомъ, заразъ впали в страх немалїи. Єднакъ же гетманъ полскїи не тратячи аґѣмшушего военого, оставивши близко Умани обозъ свой и приказавши ѡному ити за собою в тропи, самъ конно в легцѣ передомъ рушилъ з ѡрдою противъ Хмельницкого, и нечаяно в полю чистомъ, у чтери вести ѡт Охматова з долиною и рѣчкою тамо сущемо, Бави нарицаемою, лежащомъ, на него напавши, урвало обозу его часть немалую, з двадцятма и двома арматами. На которомъ обозу, якъ муха на меду, гдѣ войско лядское и татарское за здобичею пало, тимъ часомъ заразъ Хмельницкїи приишоль до справи, и єдно – самъ началъ поляковъ крѣпко з арматъ и дробного ѡружя ѡт своего обозу разити, другое – Богунъ з Умани, з значною войска своего частью, туда жъ прибавши, и нечаяно з тилу на поляковъ и орду нападши, значний в нихъ здѣлалъ ущербокъ, до троухъ тисячъ там же трупомъ положивши, и обозъ урваний з арматами Хмельницкого в нихъ ѡтгромивши и назадъ привернувши.</p>	<p>chłopską złość uśmierzając, nasi się rozpostrą, procz Humania samego, który że i ludny, i przystęp był do niego nie podobnie trudny, nie zdało się wodzowi, tak skoro porywać, bez większey nań potegi: i z tym oczekiwac nadchodzących Tatarow, ktorych (iako wieści trzesły o tym) miało iść tysięcy czterdzieści z wodzem Melin Gereiem, umarłego Hana świeżo synem, ktoremu w rządach za hetmana, przydany iest Kammamet. Wiec iako się zatym złączą z nami, stanęło iednostaynie na tym, żeby nie poprożnowac wychnąwszy co mało i poysć ku Humanowi. Gdzie sie wprzod to stało cożmy sobie wrożyli, i że ci Kardasze, wiecey mieli o sie dbać, niż o rzeczy nasze. Bo tylko upatruąc z prywaty wrodzony korzyści swą i pożytek, puścili zagony ku Dnieprowi daleko, kosz tam zostawisz bezbronny przy Obozie. Zaczym podstapiwszy z-tąd pod Humań, a blisko o Chmielnickim slysząc, Y Moskwą następującym, zaraz się kołyszac, co inszego myslili. Prawda, dosyć z siebie w naypierwszey uczynili wtorkowey potrzebie, //130 kiedy o tak gotowym, z wiadomości wielu, wiedząc pod Ochmatowem bydź nieprzyiacielu, wielkim sercem Hetmani przeciw się wazyli z nimi iść Komonnikiem.</p> <p>Tamże uderzyli, nań mniej spodziewanego i tego faworu doznali po fortunie, że w poł mu taboru z dwudziestą dział urwali. A tym czasem z telu, mając z soba Humańcow i ochoczych siełu nagle, nie opowiednie Bohun na nich spadnie, iednak wsparszy i tego, iużby byli snadnie Chmielnickiego samego i caley dopieli pospołu wiktoryey, by nie który wzięli tabor ow i armate, opadli na łupie zaraz naszy. Czym będąc wszyetek ieszcze w kupie Chmielnicki sie poprawi, i wesprze ich znacznie. Wszakże kiedy naywiecey śilic się Mars zacznie. Wcześnie noc przymierzchniona wszystko to pokryje, gdzie rozeznac nie było, Kogo? Kto? I Czyie porażaly armaty? Przetoż z tey ochoty oplonąwszy z obustron, wytrąbią odwroty. Ktorą chwile, na koniech wćiezki mroz przestaly woyska obie pod niebem, poki dzien sie biały nie ochynie z Zamorza. Toż iako sie znouw boy okrutny zaweźmie, gdy naszy z obłowu wczorayszego nie syci, dopinac z wyciestwa obcą koniecznie: owych zaś swe krzywoprśiestwa i zdrady, i niecnoty, ktore iuż bydź czuią nie skropione na wieki, ciężko stymuluią, a tak długo w upornym stoią z sobą kroku, iako chmura burzliwa, gdy przeciw iey, z boku drugą wzbudzi Aquilo, do tąd sie spieraia, i powietrzem straszliwie nad ziemią mieszaia, aż ich Neptun rozwadzi, i tych rozwadziela znouw noc swą zasłoną. Gdzie z obustron sieła padło barzo. O kiedyż te zabamowane krwawe będą potopy! Kiedy wzdy zatkanie piekło trupem: snadź gdyby z początku tey woyny, iako sie społ rozlewać liquor iął tak boyny, kto dusze te policzel na wiatr wytoczone, i krew zmierzyl, byłoby morze iey wspanione, i Scylla wyrownana.</p>

Якою нечаяною Богуною утарчкою и пораждкою поляки и тате устрашени и роздражнени будучи, увесь импеть свой на Богуна обернули, але ижъ при Богуноу било войско барзо справное и военое, того ради не могли его ляхи и орда вскорѣ поглотити.

А Хмелницкий всею конницею своею з тилу на поляков и орду крѣпко удар[и]вши, и вдвое болшъ от Богуна ущербокъ в них сотворивши, пришолъ (хочай и не хотѣли того поляки допустить) з Богуномъ в совокупленіе, и повернулъ (нимъ поляки з врдою розгромленіи знову прийшли до справи) з такою викторією до шбозу своего. Видячи теди Хмелницкий, же поляки в своемъ промислѣ военомъ не ослабѣвають, а армать и пѣхоти своѣ к себѣ от Умани наджидають, мусѣтъ и самъ там же посередъ чистого поля Сѣхматовского (прежде яко вишей рѣхомъ Бави нарицаемого, а от того времени Дрижиполемъ прозваного, от городковъ от [Сѣ]хматова и Вороного за чтири версти, яко вишей наменилемъ, застаючого) шбозомъ всѣмъ застановитися и ополчитися з Москвою, которой з вождомъ ихъ, бояриномъ Василиемъ Борисовичемъ Шереметомъ, пят полков тамъ било. А иное войско московское и козацкое школо Бѣлой Церкви, з князами и боярами московскими, Трубецкимъ, Долгорукимъ и Бутурлиномъ, в поготовости находолася.

Кди теди наспѣлъ шбозъ полский з пѣхотою и арматою, тогда вкруг Хмелницкого шблешные, начали зо всѣхъ сторонъ на шбозъ его штурмовати и из армат бити //216 взаимную и от Хмелницкого на всѣ сторони арматную и мушкетную штѣраючи корреспонденцію. (ЗОРКО) В томъ разѣ три чили чтири тысячи пѣхоти доброї пруской, з мѣдними щитами бившой, хотячи над иншихъ жолнѣровъ пописатися и доступити слави, а козацкого дроброга не знаючи сердца и рицества, шслѣи пошли на шбоз Хмелницкого, которимъ, щитами мѣдними укрившимся, поневажъ з мушкетовъ мало що шкодило, теди з армать дробомъ значне импеть ихъ поскромило. Прочіихъ же, до самого шбозу Хмелницкого упорчиве пришдшихъ, козаки спѣшившиися списками всѣхъ до шенту виколили, з їхъ началниками и офѣцерами, развѣ хто з нихъ напередъ той битви повернулъ до шбозу полского, то той и животь свой сохранил в цѣлости. Якая битва поляковъ з Хмелницкимъ тамъ, на Дрижиполь Сѣхматовскомъ, чрезъ два днѣ, в крѣпких и силнихъ морозахъ будучи, в равной мѣри находолася, и з бохъ сторонъ болшъ пятнацати тысячи войска пало. А пѣхоти лядской при арматахъ малося, що и остало, кромѣ помененой пруской пѣхоти, и кромѣ предписанихъ ляховъ и татаръ чрезъ Хмелницкого и Богуна наездѣ побитихъ.

Другой потимъ ноши уваживши Хмелницкий, ижъ трудно и не прилично в полю шбозомъ, в силніе тогдашніи морози стояти и битися, albo болшого шблеженя от поляков и орди дожидатися, прибравшия належите з шбозомъ и войсками, рушилъ назадъ ку Бѣлой Церквѣ, а пробившия чрезъ шбозъ лядский и татарский, прибилъ до Бѣлой Церкви без жадной уже от поляковъ и орди перепони.

Jeżeli i tu wiecy nad pietnaście z obustron miało paść tysięcy, //131 gdyby wiernie liczonych. To pewna, że mało przy armacie piechoty naszej pozostało; lubo plac otrzymany i Chmielnicki nocą do iedney zbiegł slobody. Za ktorey pomocą a nie pewna tatarow straża y tam tey strony, przebiwszy się przez oboz, z reku upuszczony, niesłychaną przewagą dopiął Cerkwie Białe, gdzie posiłki gotowe, i Moskiewskie stały blisko woyska.

45 *Короткий опис Малоросії (1340–1776)*, підгот. до друку А. Бовгирі, Київ 2012, с. 56; *Краткое летоизобразительное описание* [в:] *Южнорусские летописи, откр. и изд. Бедозерским*, ч. 2, Киев 1856, с. 68–69; *Описание краткое знатнейших действий и случаев*, с. 55; *Краткая летопись о войнах поляков с козаками 1647–1656* [в:] *Памятники, изданные Временною Комиссиею для разбора древних актов*, т. 1, Киев 1897, с. 191.

46 М.Н. Петровский, *op.cit.*, с. 179.

47 *Документи Богдана Хмельницького (1648–1657)*, Ф.П. Шевченко (ред.), Киев 1961, с. 413; W. Kochowski, *Historja rapanowania Jana Kazimierza, Poznań 1840*, с. 206–207. Польские архивные документы о битве под Охматовым приведены: Я. Федорук, *Українсько-польська війна в політиці Кримського ханства, Росії і Придунайських князівств (кінець 1654 – початок 1655 рр.)* [в:] *Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи*, Кам'янець-Подільський 2011, с. 95.

Сличение единственного места «Летописи», в котором Величко прямо ссылается на Зорко, с поэмой Твардовского подтверждает, его слова о характере использования «Диариуша». Здесь речь идет именно о конкретных военных действиях, а не о политических памфлетах или письмах. Как было заявлено, автор заимствует у Твардовского лишь фактические данные – численность татарского войска (сорок тысяч), то, что оно было возглавлено сыном умершего хана, захват «поляками» в казацком обозе двадцати пушек (Величко пишет двадцать две). Вслед за Твардовским, Величко описал неожиданное нападение Богуна в тыл «польского» войска, но добавил подробности этого действия и данные о гибели 3000 человек. Величко исключает из своего текста «лирические отступления» Твардовского и добавляет описание атаки прусской пехоты. Именно этот эпизод отмечен на полях рукописи, как заимствованный у Зорко.

Следует сказать, что подробности атаки прусской пехоты не отражены в известных источниках о битве под Охматовым. Напротив, в описании Величко отсутствует традиционное для украинских казацких летописей изображение битвы, в котором сделан акцент на прорыв табора, скрепленного цепями и ужас положения⁴⁵. Н. Петровский отмечал, что свидетельства Величка о ходе битвы не подтверждаются источниками⁴⁶. Тем не менее, упоминая это сражение, и коронный гетман Станислав Потоцкий, и сам Богдан Хмельницкий отмечали значительные потери пехоты в войсках Речи Посполитой⁴⁷. Пока что трудно сказать, насколько почерпнутое Величком у Зорки свидетельство можно считать достоверным. Но можем утверждать, что Величко действительно в этом месте использовал некий источник, который он называл «Диариушем» Зорки, о чем и сделал соответствующую ссылку. Выделение этого фрагмента открывает новые возможности для дальнейшей

реконструкции источника на основе текстологического анализа текстов Величко и Твардовского.

Выводы

Подводя итог, следует сказать, что первая полная публикация «Летописи» С. Величко и кодокологический анализ оригинала позволяют выйти на новый этап исследования этого важнейшего памятника казацкой истории Украины. Одной из основных загадок Величко – это вопрос о существовании «Диариуша» Зорко. Представления о «Диариуше» Зорко в историографии строились, как нам кажется, на ошибочных предпосылках. Не смотря на некоторые уточнения, большинство историков до сих пор подразумевают под этим источником комплекс документов, происхождение которых остается неизвестным, а также почти все сведения, которые отсутствуют в произведении С. Твардовского. Неточности в отобранном материале укоренили мысль о том, что и сам источник, и его автор были придуманы Величком.

Особенности использования «летописцем» своих источников, склоняют к мысли о том, что он действительно имел в своем распоряжении произведение, которое называл «Диариуш Самийла Зорки». Кроме того, есть все основания полагать, что Величко действительно получил некий источник из семьи Ивана Быховца, видного канцеляриста и политического деятеля эпохи Украинского гетманства, автора собственных дневниковых записей.

Выявление прямой ссылки Зорко в тексте Величко и текстологический анализ этого фрагмента позволяют говорить, что он вполне соответствует характеристике автора о том, что мы имеем дело с дневниковыми записями о военных действиях, наподобие той, что Величко заимствовал из диариуша Хотинской войны 1620 г. и вплетал в канву

своей Начальной части истории, основанной на Титлевском. Понимание этой особенности открывает огромные перспективы для дальнейших исследований «Летописи» Величко и вычленения возможных сведений из «Диариуша» Зорки в нем. Учитывая, что большинство ранних дневников казацкого Гетманства к настоящему времени утрачены, попытки реконструкции «Диариуша» Зорко имеют большое значение.

BIBLIOGRAFIIA

- A.P. [rec. na:] *Letopus" Gadjachskago polkovnuka Grugoruja Grabjanku, dop. Vremennoju komussueju dlja razbora drevnuh aktov*, Kiev 1853.
- Antonovich V.B., *Lekcii z dzhereloznavstva. Ostrog, N"ju-Jork* 2003.
- Bagalii D.I., *Naris ukraïns'koï istoriografii*, t. 1, Kii 1925.
- Bagro S., Bovgirja A., Borjak G., Tairova-Jakovleva T., «*Litopis*» *Samijla Velichka («Istorija») – viznachna istoriografichna pam'jatka: do istorii tekstu ta jogo vivchennja [v:] Velichko Samijlo. «Litopis», V. Smolij, T. Tairova-Jakovleva (red.), Kii 2020, s. XXIII–XXIV.*
- Diplomaticheskie snosheniia mezhdou Transil'vanskim kniazhestvom i Voiskom Zaporozhskim v 1648 g.*, «Rossiiskoavstriiskikh al'manakh: istoricheskie i kul'turnye paralleli» 2007, s. 70–78.
- Dokumenti Bogdana Khmel'nits'kogo (1648–1657)*, F.P. Shevchenko (red.), Kiev 1961, s. 413.
- Doroshenko D.I., *Ogljad ukrai'ns'koï istoriografii*, Praga 1923.
- Dragomanov M.P., *Rozvidky Myhajla Dragomanova pro ukrai'ns'ku narodnu slovesnist' i pys'menstvo*, t. 1, L'viv 1899.
- Fedoruk Ia., *Ukrai'ns'ko-pol's'ka viina v polititsi Krims'kogo khanstva, Rosii i Pridunais'kikh kniazivstv (kinets' 1654 – pochatok 1655 rr.) [v:] Problemi istorii kraïn Tsentral'noi ta Skhidnoi Evropi, Kamianets'-Podil's'kii* 2011.
- Grushevskii M.S., *Ob ukrainskoi istoriografii XVIII veka. Neskol'ko soobrazhenii*, «Izvestiia Akademii nauk SSSR» 1934, nr 3, s. 215–223.
- Iavornits'kii D.I., *Istoriia zaporoz'kikh kozakiv*, t. 1, P.S. Sokhan', V.A. Smolii, V.G. Sarbei, G.Ia. Sergienko, M.M. Shubravs'ka (red.), Kiev 1990, s. 177–179.
- Institut rukopisu Natsional'noi biblioteki Ukraïni im. V.I. Vernads'kogo (IR NBU), F. 2, Spr. 15576, Ark. 23, *Sibirs'kii prikaz Stb. 612. Materiali podaiut' dani g.ch. za borot'bu starshins'kikh ugrupovan' Livoberezhzhia, zokrema za Kozelets'ku radu 1662 r.*
- Isichenko I., *Istorija ukrai'ns'koï literatury: epoha Baroko (XVII–XVIII st.). Navchal'nyj posibnyk dlja studentiv vyshhyh navchal'nyh zakladiv*, L'viv 2011.
- Istoricheskie sviazi narodov SSSR i Rumynii [v:] Dokumenty i materialy: V trekh tomakh*, t. 2: 1633–1673, Moskva 1968, s. 215.
- Istorija ukrai'ns'koï kul'tury*, I.P. Kryp'jakevych (red.), L'viv 1937.
- Tairova-Jakovleva T., *Ivan Bykhovets kak potentsial'nyi khranitel' «diariusha» S. Zorko (v pechatii).*
- Karpov G.F., *Malorossyjskые letopyscy o nachale ystorycheskoj dejatel'nosti Bogdana Hmel'nyckogo [v:] G.F. Karpov, Nachalo ystorycheskoj dejatel'nosti Bogdana Hmel'nyckogo*, Moskva 1873, s. 265.

- Klevanov A. [rec. na:] *Letopys' sobytyj v Jugo-Zapadnoj Rossyy v XVII veke, sostavyl Samuyl Velychko, byvshyj kanceljaryst kanceljaryj vojska Zaporozhskogo, 1720, t. 2, Kiev 1851.*
- Korotkii opis Malorosii (1340–1776), pidgot. do druku A. Bovgiri, Kiiv 2012, s. 56.
- Kratkaia letopis' o voiakh poliakov s kozakami 1647–1656 [v:] *Pamiatniki, izdannye Vremennoiu Komissieiu dlia razbora drevnikh aktov, t. 1, Kiev 1897, s. 191.*
- Kratkoe letoizobrazitel'noe opisanie [v:] *Iuzhnorusskie letopisi, otkr. i izd. Bedozerskim, ch. 2, Kiev 1856, s. 68–69.*
- Kostomarov N.Y., *Bogdan Hmel'nyckyj, t. 1, Sankt-Peterburg 1859.*
- Kovalevs'ka O.O., *Zobrazhennja kriz' viky: ikonografija kozac'koi starshyny XVII–XVIII st., ch. 1, Kiiv 2014.*
- Kryp'jakevych I.P., *Studii' nad derzhavoju Bogdana Hmel'nyckogo (I. Rada. II. General'na starshyna), «Zapysky NTSh» 1925, t. 138–140.*
- Lazarevskii A.M., *Ocherki starinnykh dvorianskikh rodov Chernigovskoi gubernii [v:] Zapiski Chernigovskogo gubernskogo staisticheskogo komiteta, kn. 2, Chernigo, Tomsk 1868, s. 35–148.*
- Lazarevskii A.M., *Opisanie staroi Malorosii, t. 2, Nezhinskii polk, Kiev 1893.*
- Levitskii O.I., *Opyt issledovaniia o letopisi Samovidtsa [v:] Letopis' Samovidtsa po novootkrytym spiskam, Kiev 1878.*
- Lipins'kii V.V., *Ukraina na perelomi. 1657–1659. Zamitki do istorii ukrains'kogo derzhavnogo budivnitstva v XVII st., Viden' 1920.*
- Maksimovich M.A., *Pis'ma o Bogdane Khmel'niatskom. Sobraniia sochinenii, t. 1, Kiev 1876, s. 395–474.*
- Mel'nik A., Poliakov I., Tairova-Iakovleva T., Tsipkin D., *Original pam'iatki: kodikologichnii analiz [v:] Velichko Samiilo. «Litopis», V. Smolii, T. Tairova-Iakovleva (red.), Kiiv 2020.*
- Mitsik Iu.A., *Get'man Ivan Vigovskii, Kiiv 2004.*
- O letopisi Velichka kak istochnike malorossijskoj istorii, «Moskvitjanin» 1849, № 15, Otd. 4: Kritika i bibliografija, s. 33–54.*
- Opisanie Korotkii opis Malorosii (1340–1776), pidgot. do druku A. Bovgiri, Kiiv 2012, s. 56.*
- Opisanie kratkoe znatneishikh deistvii i sluchaev, s. 55.*
- Pavlenko S.O., *Otochennia get'mana Mazepi: soratniki ta pribichniki, Kiiv 2004.*
- Petrikevich V., *Litopis' Samiila Velichka a «Woyna domowa» Samiila Tvardovskogo. Porivnuiu studii, Ternopil' 1910.*
- Petrovskii M.N., *Psevdo-diariush Samiila Zorki [v:] Zapiski istorikofilologichnogo viddilu VUAN, kn. 17, Kiev 1928, s. 160–204.*
- Pogodin M.P., *Pis'ma M.P. Pogodina k M.A. Maksimovichu, Sankt-Peterburg 1882.*

- Rozvidki Mi-khaila Dragomanova pro ukraïns'ku narodnu slovesnist' i pis'menstvo, t. 1, Lviv 1899, c. 23.
- Shevchuk V.O., *Muza Roksolans'ka: ukraïns'ka literatura XVI–XVIII st.: U 2 kn.*, kn. 2, *Rozvinene baroko. Pizne baroko*, Kiïv 2005.
- Shevchuk V.O., *Panegirik Bogdanu Khmel'nits'komu ta Ivanu Vigovs'komu z 1649 roku [v:] Nauka i kul'tura. Ukraïna: shchorichnik*, Kiïv 1996, s. 110–119.
- Siniak I.L., *Vii's'kovii pisar na Zaporozhzhdobu Novoï Sichi (1734–1775)*, «Kozats'ka spadshchina: Al'manakh Institutu suspil'nikh doslidzhen'» 2006, t. 3, s. 207–211.
- Solov'ev S.M., *Ocherk istorii Malorossii do podchineniia ee tsariu Alekseiu Mikhailovichu*, «Otechestvennye zapiski» 1849, nr 2, s. 214.
- Tairova-Iakovleva T.G., *K voprosu o strukture i istochnikovoi baze letopisi Samoila Velichko*, «Slavianovedenie» 2019, nr 2, s. 11–24.
- Tolochko A.P., «*Istoriia Rossiiskaia*» *Vasiliiia Tatishcheva: Istochniki i izvestiia*, Moskva 2005, s. 544.
- Velichko S.V., *Litopis*, t. 1, V.O. Shevchuka, O.V. Mishanich (red.), Kiïv 1991.
- Velichko Samiilo. «*Litopis*», V. Smolii, T. Tairova-Iakovleva (red.), Kiïv 2020.
- Ykonnykov V.S., *Opyt russkoj ystoriografyy*, t. 2, kn. 2, Kiev 1908.
- Zaklins'kyj K.G., *Rus'ki litopysy i litopysci XVII st.*, «Zorja» 1880, nr 8.
- Z dziejów Ukrainy. Księga pamiątkowa ku czci Włodzimierza Antonowicza, Paulina Święcickiego i Tadeusza Ryłskiego. Wydana staraniem dra Józefa Jurkiewicza, Franciszki Wolskiej, Ludwika Siedleckiego i Wacława Lipińskiego*, Kraków 1912.
- «Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia» 1856, t. 89, otd. 4, s. 25–26.
- Zorka S., *Panegirik Bogdanovi Khmel'nits'komu ta Ivanovi Vigovs'komu [Tekst]: z «Reestru viis'ka Zaporoz'kogo» 1649 roku [v:] Ukraïna: antologiiia pam'iatok derzhavotvorennia, Kh–KhKh st.: u 10 t.*, t. 3, Kiïv 2008, s. 201–206.
-

